

Виктор Киселев

Учитель, друг и просто – дядя Митя

24 февраля 1985 года исполняется 100 лет со дня рождения замечательного художника, акварелиста, графика, выдающегося педагога, методиста, страстного краеведа, исследователя, необыкновенно энергичного, горячего, трудолюбивого, всегда неустанно действующего и самое главное – громадной души человека.

В жизни он всегда видел красоту и радость. Дмитрий Иванович искренне верил в добро и стремился помочь всем людям. У него не было плохих людей. Он не мог понять, как можно быть плохим. Если же видел что-то плохое, то недоумевал и старался отстранить от себя и не помнить о том. Дмитрий Иванович готов был всех людей сделать художниками, всем стремился привить видение прекрасного, ко всем шел с открытой душой.

Искусство его было правдивое и радостное, светлое, солнечное, светилось искренностью и простотой. В большинстве своем рисунки его выполнены на едином дыхании. Цветы – яркие, прозрачные, насыщенные. Мазки положены снайперски уверенно на те места, где нужно. Писал он молниеносно.

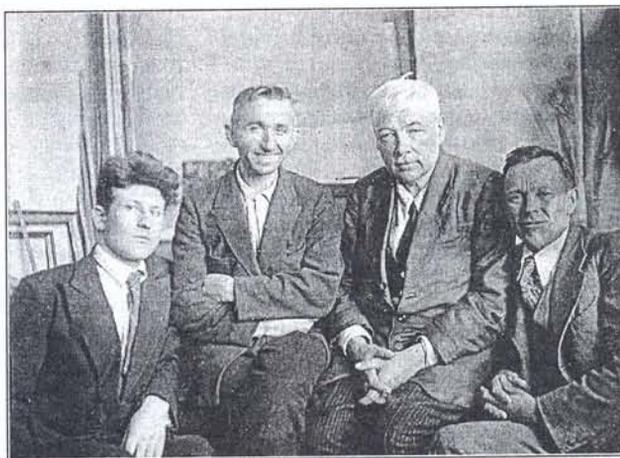
С Дмитрием Ивановичем я познакомился в 1925 году, после отъезда Аркадия Александровича в Москву. С запиской от Платова я приехал в Ульяновск. Жил Архангельский на Шатальной улице, 32 А, в небольшом одноэтажном деревянном домике, утопающем в зелени. Вся улица, по обе стороны, была засажена тополями, а через заборы склонились на улицу ветви яблонь, вишен и других плодовых деревьев, и под заборами валялись опавшие плоды. Это был август месяц. Вдоль домов шли деревянные тротуары: идешь по ним, а они поскрипывают.

Приехал я в Ульяновск рано утром, чуть всходило солнце, только освещены верхушки деревьев. Сама улица была укрыта утренней мглой и пустынна, только за заборчиками слышны какие-то шорохи и тихий говор. Из дворов поднимался ароматный запах яблок.

И вот подхожу я к дому Архангельского. Над входом – двухскатная крыша, крылечко узенькое, почти только порог. Смотрю, спущена проволока от звонка. Робко натягиваю ее – звенит звонок. Слышу мягкие шаги. Открывается дверь, выходит немолодой, плотный человек, приятный, с веселыми, живыми, немного заплывшими глазами. Подаю ему письмо Аркадия Александровича.

Он как-то радостно просиял, посмотрел на меня дружелюбно и по коридорчику провел меня на террасу, заваленную яблоками. «Вот, садитесь здесь и ждите меня, ешьте яблоки, сколько угодно. Мы их можем сколько угодно есть, и нам ничего». Он ушел куда-то в глубь дома. Я огляделся: вокруг – сплошной сад, Волга совсем близко, слышны sireны пароходов. Через несколько минут появился Дмитрий Иванович, в руках у него было письмо – направление на курсы Пузыревского. Он начал расспрашивать, как живут Платовы, как живем мы. Спросил, привез ли я рисунки, и очень сожалел, что не привез. Наказал обязательно в следующий раз привезти. Так состоялось наше знакомство.

Начались занятия на курсах Пузыревского. Рисование с гипсов меня не прельщало, но нашел я там себе

Д. Розанов, В. Киселев, Д. Архангельский, А. Платов. 1930-е

хорошего товарища – Андрианова Алексея, и стали мы держаться ближе к Дмитрию Ивановичу, а по воскресеньям приходил к нему заниматься акварелью. Архангельский принимал всегда любезно и занимался с нами бесплатно. Постепенно мы становились с нашим учителем просто товарищами.

Дмитрий Иванович составлял натюрморты и писал вместе с нами. Помимо всего этого, мы приносили ему много акварельных этюдов и рисунков краеведческого характера, которые отдавали ему. То, что собиралось по краеведению, он старался объединить и оформить в самодельные альбомчики. Хорошие акварели и рисунки он оформлял на паспорту. Все делал ловко и с любовью. Постоянно устраивал выставки, как-то находил помещение. Вообще он был необыкновенно деятельным. Возвращаясь из школы (а он преподавал в нескольких школах), всегда нес с улицы рисунок. Однажды я наблюдал, как, придя домой, он отказался от обеда, сразу же пошел в свою маленькую мастерскую и начал писать акварелью по принесенному рисунку.

Школу он любил, и учащиеся любили его. Он всех заражал краеведением и старался у каждого развить способности к искусству.

Вспоминаю, как он поставил дело в школе им. Шатского. Позже, приезжая в Москву в мастерскую Платова, он со страстью рассказывал, как у него там было поставлено дело, и приглашал нас приехать к нему, посмотреть.

Так однажды заехал я к Архангельскому. Выходной день, занятий не было. Встретил меня Дмитрий Иванович радушно, повел в мастерскую, которую он оборудовал в каком-то деревянном строении. Подошли к двери, он пошарил рукой над дверью. «Тут, - говорит, - у нас тайное место, где мы прячем ключ. У нас так: когда кому захочется порисовать, берут ключ и заходят. Тут на столах лежит все, что нужно для рисования и писания красками: бумага разная, краски, кисти, карандаши. Ребята приходят, рисуют, потом прибирают за собой, а рисунки оставляют на столах».

Ребята его страстно любили. Когда он уже не мог работать и жил в Родниках, связь со школой не прерывал. Ученики часто приезжали к нему и привозили свои рисунки. Это приводило его в восторг. Всегда, бывало, когда приедешь к нему в Родники, он просил поскорее показать ему новые работы.

Под конец жизни он стал очень слабым, на улицу не выходил, писал, глядя в окно.

Как-то приезжаю к нему в Родники один. Он увидел меня в окно (окно всегда у него было открыто), закричал и бежит к двери, а сам от радости плачет. «Дидя, дидя! – кричит ему внучка. – Так нельзя, это что за слезы!» Вошел я, смотрю, на стене против дивана у него развешана выставка детских рисунков. Он, видимо, сидел перед ней и, любуясь, созерцал. Начал мне рассказывать про авторов этих рисунков. «Эх, какие у меня ребята хорошие!»

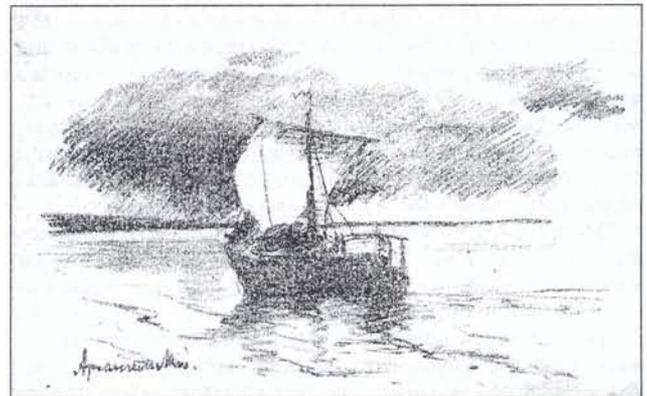
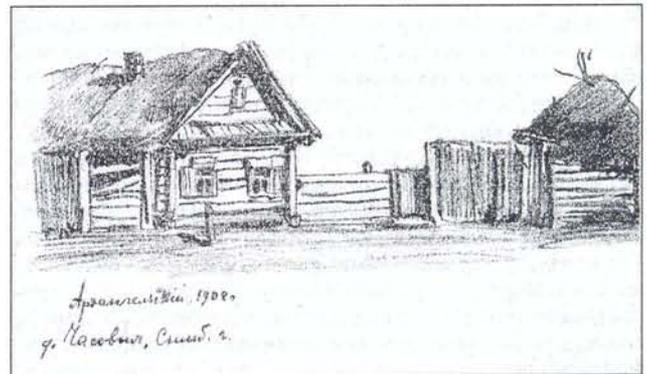
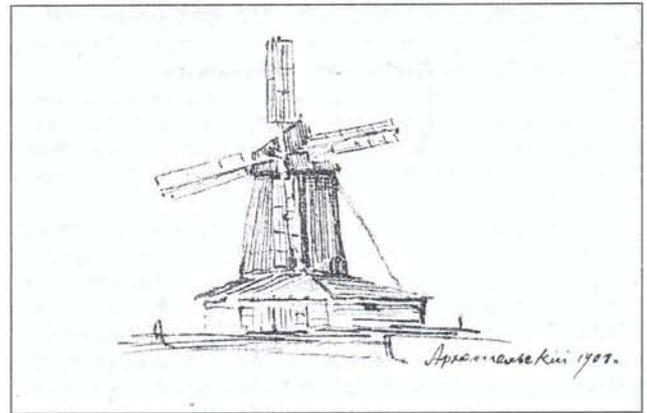
Если, случалось, он затоскует, внучка подбегала к нему: «Дидя! Ты забыл, ты сегодня еще не рисовал!» – и подсовывала пачку бумаги. Он начинал рисовать. В такой момент он при мне сделал по памяти рисунок пером – кусочек Волги, кустики – и подписал: «Поливна». Работ таких у него было множество, и у меня накопилось достаточно.

Помню, как однажды в молодости мы с Дмитрием Ивановичем отправились сначала ко мне, в Комаровку, а потом в Прислониху. Он приготовил большую пачку с бумагами, акварелью на этот раз запасся различной, сияющей, на груди, сбоку, приспособил каким-то образом бутылочку с водой и тряпочку.

Сидит в телеге и радуется окружающей нас утренней красоте. Не выдерживает: «Обожди!» Я останавливаю лошадь, он соскакивает и быстро-быстро пишет этюд. Пока едем от Выров до Комаровки, он соскакивает множество раз. Еле подсохнет написанный лист, он уже пишет другой. Въезжаем в Комаровку, спускаемся к речке. У моста стоят огромные ветлы, до дома осталось метров двести. «Стой!» – кричит и соскакивает с телеги, снова пишет этюд с ветлами. Весь день я водил Дмитрия Ивановича по нашим местам. Он написал много этюдов.

На следующий день отправились на лошади в Прислониху. Ехали по любимой Пластовым и мной короткой дороге – самой красивой и поэтичной, еще не изъезженной машинами и тракторами. Красивые поляны, густые перелески. Целы были еще оба кардона, срубленные из толстых сосновых бревен, от времени золотисто-коричневых. Первый от Комаровки – кардон Двухжилой. Дальше – перелесок и за ним Большая Поляна, на которой росла чудесная трава. В сенокос поляна была веселой, праздничной, а потом – уставлена огромными стогами. За ней – еще перелесок с толстыми, старыми, развесистыми березами и дубами. Дальше – Поляна Зубрилина, а через дол – Лопата, и на выезде к прислонихинскому полю стоял такой же золотисто-коричневый кардон, крытый уже замшелым тесом. Рядом находился колодец с воротом – большим, тяжелым деревянным колесом. Как же восхищался Дмитрий Иванович! Ехали очень медленно, дядя Митя все время соскакивал и писал, но долго стоять не удавалось: лошадку донимали слепни, и она дергалась.

Спустились в овраг, переехали мостик, стали подниматься по дорожке на извилок, поднялись... Перед нами – громадное поле хлебов, пашен, овражков, справа и слева – леса. Взору открылись голубые, бесконечные дали, а там, внизу, прилепилась вдоль горы ленточкой Прислониха с поэтичной небольшой церковкой...

Рисунки Д.И. Архангельского 1920-х годов